

К ВОПРОСУ О КУЛЬТУРНОЙ ДИНАМИКЕ (межпоколенная трансмиссия)

В современном стремительно изменяющемся мире процессы глобализации, диффузии культур сочетаются с новой волной интереса к этническим проблемам, этнопсихологии, – так называемым этническим мирам или этнической (национальной) картине мира. Активные межнациональные контакты, международные экономические связи, обмены специалистами, идеями, технологиями вызвали необходимость изучения и понимания особенностей других культур. Эти процессы оказывают катализирующее влияние на формирование этнического самосознания. По выражению Л.Дюмона: "Мы можем лучше понять самих себя, выясняя, чем мы отличаемся от других" [3]. Взаимное узнавание и влияние отдельных культур друг на друга содействует осознанию культурных различий наряду с созданием новой культурной матрицы.

По мнению С.Хантингтона, автора нашумевшей книги "Столкновение цивилизаций", будущее человечества, конфликты и войны будут определяться уже не экономическими и политическими, а этническими факторами – принадлежностью той или иной страны к одной из восьми мировых цивилизаций. Этот автор рассматривает цивилизации как крупные конгломераты этнических сообществ, объединенных в одно целое принадлежностью к той или иной религиозной доктрине, которая составляет ядерную часть культуры [8].

Концепт культуры, как аналог понятия "ментальность", используется в различных школах культурной, психологической и символической антропологии. Согласно С.В. Лурье, культура – комплекс значимых систем различной степени сложности, как осознаваемых, так и неосознаваемых. Это совокупность ментальных составляющих артефактов, сердцевину которых представляет обобщенный культурный сценарий (система культурных констант), ибо именно в связи с ним различные предметы и действия приобретают в культуре свое значение: от когнитивных схем различных вещей до событийных сценариев, предметов, алгоритмов действий, механизмов самоорганизации, "интенциональных миров". Ядром культуры является обобщенный сценарий [5].

Наиболее часто цитируемое в психологии культуры и психологической антропологии определение культуры принадлежит К.Гирцу: "Культура – это разделяемые всеми ее членами смыслы и значения" [9]. О связи культуры с понятием смысла писал М.М. Бахтин и другие отечественные авторы.

В своей знаменитой книге "Культура и ее следствия" G.Hofstede определяет культуру как "коллективное программирование ума (mind)", которое отличает членов одной группы или народа от другой. [10]. В его модели выделяется три уровня: базисный уровень – универсальный уровень ментального программирования, который разделяется, фактически, всеми человеческими существами. Второй – коллективный уровень – разделяется некоторыми, но не всеми другими людьми: он оказывается общим для людей, принадлежащих к определенным группам или категориям. Индивидуальный уровень человеческого программирования уникален – он формируется под влиянием индивидуального опыта отдельного индивида. Передача коллективной ментальной программы является социальным феноменом. Общества, организации и группы имеют свои способы консервации и передачи (транс-

миссии) ментальных программ от поколения к поколению.

В культурно-исторической школе Л.С. Выготского акцентировалось влияние культурного контекста на формирование личности, социализации ребенка, приспособлении и вживании его в культуру путем интериоризации, присвоения культурно-исторического опыта своего народа. Выготский и его ученики изучали вопрос о значении языка и речи, опосредующей процесс интериоризации. Эта идея разрабатывалась еще В. Гумбольдом, который ставил перед собой цель раскрыть ментальность народов с помощью сравнительного исследования лингвистических систем. Он интерпретировал язык не только как индикатор определенного типа ментальности, но и как его конституирующий фактор или даже синоним. "Язык – внешнее проявление ментальности людей; их язык – это их ментальность и их ментальность – это их язык; трудно переоценить их идентичность" [13].

В наше время, при резком изменении социально-политических условий в странах бывшего Советского Союза, под влиянием тоталитарной идеологии которого сформировалось несколько поколений, процесс культурной трансмиссии приобретает новое и важное практическое звучание: какие "культурные сценарии" будут передаваться в процессе социализации детям? Как изменение окружающей реальности действует на этот обобщенный сценарий, специфичный для культуры? Можно ли выделить "ядерные ценности", глубоко залегавшую "культурную матрицу" (архетипы бессознательного данного народа, по Юнгу, или структуропорождающее начало культуры – "эпистема", по М. Фуко), которая остается неизменной в процессе культурной трансмиссии, и, следовательно, будет оказывать тормозящее воздействие на перестройку социально-политического устройства общества? В демократическом государстве от граждан ожидается другое поведение, базирующееся на иных ценностях и культурных сценариях, чем это характерно для тоталитарных государств.

Вопрос о "культурной динамике" – процессах и механизмах передачи культурно-исторического опыта из поколения в поколение – относится к числу наиболее сложных в зарубежной психологической антропологии и психологии культуры. В психологии, собственно, он даже не ставился. Y.Kashima полагает, что эмпирически ориентированная психология была вынуждена исключить культуру из своих исследований, концентрируясь на психологических (внутренних) явлениях и феноменах [11]. Однако именно психологическое знание может помочь выяснить, каким образом, даже при кардинальных изменениях политической системы, революциях и государственных реформах ментальность оказывает свое инерционное воздействие и часто нивелирует формальные и организационные изменения, "всё возвращая на круги свои". Каким образом происходит (или не происходит) трансформация общества? Как ценности, установки, образ мысли и действия членов определенной культуры передается из поколения в поколение? Насколько устойчивы эти конструкты?

Центральным вопросом в культурной динамике, по мнению Y.Kashima, является следующий: как это возможно, что специфическая для индивидов деятельность по порождению смыслов может коллектив-

но генерировать что-то устойчивое, что может быть концептуализировано как система значений? [11].

С.В.Лурье вводит понятие *комплекса культурных констант* (этнических констант), которые в своей совокупности представляют сложную психологическую структуру: интериоризированный обобщенный культурный сценарий [5]. Комплекс культурных констант, с точки зрения С.В.Лурье, выглядит как ментальный сгусток, который, выражаясь в интериоризированном обобщенном культурном сценарии, определяет всю деятельность человеческого мозга, основные парадигмы, определяющие возможность и условия действия человека в мире, вокруг которых в его сознании выстраивается вся структура бытия. Культурные константы никогда не осознаются человеком. Они, будучи инструментом упорядочивания и рационализации опыта, полученного из внешнего мира, взаимосвязи и взаимодействия его объектов, формируют культурный контекст. Культурная трансмиссия происходит через процесс интериоризации (по Выготскому): поскольку ребенок усваивает множество обыденных сценариев, отражающих принципы взаимодействия между людьми в его культуре, в его голове откладываются обобщенные черты, определяющие это взаимодействие, что и формирует в дальнейшем специфическую для данной культурной группы картину мира.

С.В.Лурье считает, что сами по себе культурные константы нейтральны по отношению к ценностным ориентациям, они неизменны на протяжении всей жизни данной социокультурной системы, а ценностная ориентация может меняться в зависимости от выбора людей. Эта система культурных констант, составляющая "каркас" культуры, формирует призму, через которую члены данной культуры склонны интерпретировать различные явления, феномены, образы. Среди констант культуры Лурье выделяет некие архетипические образы: например, "Образ покровителя", "Образ "Мы", "Источники зла и добра".

Таким образом, С.В.Лурье, рассматривая культуру с позиций психологической антропологии, полагает, что комплекс культурных констант представлен системой образов, имеющих в каждой культуре неповторимые особенности – канон восприятия реальности или комплекс культурных репрезентаций.

Следует отметить, что в таком понимании комплекс культурных констант, составляющих ментальность определенной общности людей, картина мира, обобщенные сценарии действия должны транслироваться из поколения в поколение в неизменном виде. Однако, изменяющаяся реальность не может не вносить свои коррективы в картину мира; идеологические императивы, политические лозунги, экономическая необходимость должны вызывать к жизни трансформацию культурных констант, модели действия данного сообщества людей.

Согласно Теодору Шварцу, предложившему опытно-процессуальную модель культуры, комплекс культурных элементов формируется и усваивается членами культуры. События корректируют образ восприятия и сами корректируются в соответствии с нашим образом восприятия. Индивиды сохраняют представления о прошлых состояниях системы, каждый в соответствии со своей жизненной историей, представления эти подвержены модификации в процессе происходящих событий, благодаря чему комплекс культурных конструктов может реструктурироваться. В процессе развития событий ментальные конструкты индивидов модифицируются, превращаясь в постконструкты. В ходе того, как ментальные установки изменяются у всё большего числа участни-

ков событий, вырабатывается новая культурная парадигма. Измененные ментальные конструкты могут сформироваться только у части участников событий, и тогда культура окажется как бы расколотой [14].

Теория "интенциональных миров" Ричарда Шведера, апологета культурной психологии, вводит понятие интенциональности как основной характеристики переживаемой нами реальности – сконструированности, вымышленности мира на основании тех или иных культурных парадигм. Каждая культура представляет собой "интенциональный" мир, в основе которого лежит этническая картина мира, задающая тот или иной обобщенный культурный сценарий [15].

Проблема образа мира, как присущая каждому народу культурная доминанта или особенное мировосприятие, разрабатывалась в трудах выдающегося отечественного психолога А.Н.Леонтьева. Важнейшей "образующей" человеческого сознания, по его мнению, являются значения [4]. Фиксируясь в языке, они приобретают, по словам А.Н.Леонтьева, "квазисамостоятельность", т.е. существуют в качестве "объективных идеальных явлений". В этом своем качестве значения постоянно воспроизводятся в головах конкретных индивидов, что составляет "внутренний механизм" их передачи от поколения к поколению, и таким образом они становятся достоянием и одной из образующих общественного сознания. Одновременно с описанным процессом происходит и "движение значений" в психике отдельного индивида, в его индивидуальном сознании.

По мнению С.Д. Смирнова, образ мира, будучи интегративным образованием, имеет поуровневую организацию, в нем можно выделить ядерные и поверхностные структуры: ядерные – амодальные, знаковые системы, отражение мира в целом, а поверхностные – чувственно оформленное представление о мире [7].

В теории индивидуальной психосемантики Е.Ю. Артемьевой предложена уровневая модель организации *субъективного образа мира* (картины мира). Автор предлагает выделять три слоя в структуре субъективного опыта:

1) Первый, самый поверхностный слой – перцептивный. Он характеризуется тем, что может изменяться под влиянием, например, эмоциональных состояний, и "явно регулируется системой значений и смыслов", т.е. неотделим в функционировании от более глубоких слоев субъективного опыта. Этот слой соотносится с поверхностными структурами образа мира.

2) Следующий слой – семантический. Следы взаимодействия с объектами зафиксированы в этом слое в виде многомерных отношений. Инструментально эти отношения описываются с помощью систем значений. Об этом слое, по мнению Е.Ю.Артемьевой, можно говорить как о переходном между поверхностными и ядерными структурами.

3) Самый глубокий, соотносимый с ядерными структурами образа мира – слой амодальных структур, образующихся при "обработке" семантического слоя. Этот слой назван "образом мира в узком смысле" [1].

Рассматривая связь между семантическим слоем и "образом мира в узком смысле", автор теории отмечает, что *самая глубокая структура "образа мира"*, является внемодальной и относительно статичной, так как перестраивается только в результате осуществления действия (акта текущей деятельности), сдвигающего смыслы после достижения или не достижения цели. *Семантический слой – "картина мира"* – представляет структурированную совокупность отношений к актуально воспринимаемому объектам. Она более подвижна, управляется из глубины образом мира, а строительный материал ей поставляет "перцептивный мир". Общим

для этих образований является то, что в их элементах закрепляются образы отношений к объектам [1].

Слои субъективного опыта в той или иной степени находят свое выражение в семантических значениях. Семантические значения образуют сложную иерархическую систему, включающую в себя фиксированные значения и смыслы. В сложной иерархической системе значений выражаются некие ядерные зоны (в языкознании они получили название "внутренней формы слова"). В системе значений закреплена культурно-исторический опыт, и эта система образует, как отмечает В.Ф.Петренко, общекультурное ментальное пространство. По мнению этого автора, общекультурное ментальное пространство представляет собой совокупность значений, символов, образов общественного сознания и может операционализироваться как категориальные психосемантические структуры общественного сознания. "Язык глубинных семантических структур может выступать универсальным посредником в сравнительном анализе культур" [6].

Отталкиваясь от модели строения картины мира Е.Ю.Артемяевой, а также опираясь на представления различных авторов о связи ментальности с языковой формой структурирования опыта, мы предположили, что образ мира, свойственный определенной общности людей, имеющий сходный культурно исторический опыт, может быть гипотетически представлен в виде аналогичных трех слоев, где наиболее глубокий слой ("ядерная картина мира") сопоставим с коллективным бессознательным, второй - семантический слой - обозначен системой значений (разделяемых всеми членами данной культуры), а поверхностный слой (перцептивный) содержит актуальные представления, восприятия и является относительно подвижным и изменчивым. Последний возможно параллелизовать с "общественным сознанием".

Мы допустили, что семантический слой (по Артемяевой) структуры индивидуального семантического пространства может быть сопоставлен с культурными константами (по Лурье), или категориальными структурами сознания, характерными для культурной общности (Петренко), образующими картину мира (модель мира) той или иной общности людей. Ядерные структуры картины мира, вероятно, амодальны и не имеют языкового означивания. В верхнем, перцептивно-сенсорном слое закрепляются те семантические значения, в которых отражается внешняя, "сиюминутная", ситуация. Значения, содержащиеся во втором, семантическом, слое, имеют достаточную устойчивость, будучи зафиксированными, в языке и обретая для данной культурной общности тот или иной смысл, приобретают "квазисамостоятельность" [4].

Исходя из этих положений, мы предположили далее, что некоторые значения, зафиксированные в семантическом слое обобщенного образа мира (составной части ментальности) украинцев, могут иметь инвариантность, устойчивость, несмотря на резкую смену социально-политического устройства общества. Условия, в которых жили люди в Советский период, сформировавший в стране тоталитарный режим, значительно отличались от социально-политической ситуации, которая существует в Украине со времен "перестройки" и демократических преобразований. По нашей гипотезе, в общественном сознании, (поверхностно-перцептивном слое образа мира), современная ситуация породила целый ряд новых значений и смыслов тех или иных феноменов, явлений, поведения. Однако, более глубинные, семантические слои образа мира, системы значений, имеющие связь с глубинной, "Наука і освіта", № 5-6, 2005

ядерной картиной мира, остаются неизменными, отражая длительный культурно-исторический опыт народа (ментальные сгустки). Сравнимая значения, которые имеют те или иные явления, актуальные для современности, в сознании молодежи и людей старшего поколения, сформировавшегося под влиянием другого политического режима, мы надеялись выявить инварианты культурно- исторического опыта, особенности ментальности украинцев – те представления, значения и смыслы, которые не поменялись под влиянием новой окружающей реальности даже у молодежи.

Для проверки этого предположения мы проанализировали данные результатов ассоциативного эксперимента, проведенного в рамках магистерской работы Л.К. Спиридоновой (2004), на двух группах испытуемых: студенты 1-2 курсов нескольких ВУЗов города Одессы (71 человек) и преподаватели (68 человек). Участниками обеих групп были женщины. В выборке студенток были представлены выходцы как из областных центров южного региона Украины, так и из небольших городов и сельской местности. Средний возраст участниц составил 18 лет. Выборка преподавателей состояла из женщин не моложе 35 лет, работающих в школах и ВУЗах г. Одессы, районных центрах и сельской местности Одесской области. Все участницы имели высшее образование. Средний возраст взрослой выборки составил 45,6 лет.

Мы использовали свободный ассоциативный эксперимент, где испытуемые не ограничиваются в выборке возможных ассоциаций. Достоинством метода является то, что испытуемые не навязываются значения и категории исследователя, что неизбежно происходит при предъявлении определенных формулировок. Испытуемые работают со значением в "режиме употребления", что позволяет выделить и некоторые неосознаваемые компоненты значения. В.Ф.Петренко отмечает, что ассоциативная техника отражает как когнитивные структуры, стоящие за языковыми значениями, так и индивидуальные особенности испытуемых, их личностные смыслы. Последующая статистическая обработка "нивелирует" акцентированность на личном, субъективном опыте (личностном смысле) и выделяет аспекты, инвариантные для всей группы испытуемых. Недостатком метода, по мнению того же исследователя, является его чувствительность к фонологическому и синтаксическому сходству. Как показывают исследования, большая часть речевых ассоциация обусловлена речевыми штампами, клише [6].

Для проведения ассоциативного эксперимента использовались слова-стимулы: *гражданин, свобода, демократия, успешность, счастье*. При выборе стимульного материала мы руководствовались следующими представлениями: в посттоталитарном обществе появились новые ценностные ориентации, установки, модели поведения, что закономерно должно привести к изменению в сознании индивидов семантики целого ряда общеупотребимых, но значимых для расшифровки "культурного кода" на уровне личностных смыслов понятий, к числу которых относятся указанные лексемы.

Ассоциативный эксперимент проводился в небольших группах (до 20 человек), испытуемым предлагалось в течение одной минуты написать свободные ассоциации на тему слова-стимула. По истечении времени работа с предыдущим понятием останавливалась, и предъявлялось следующее слово-стимул.

В результате контент-анализа полученных результатов слова реакции (ассоциации), встречавшиеся в протоколах, были сгруппированы в несколько категорий; далее подсчитывалась частота встречаемости

каждой категории (рейтинг и процент) отдельно в обеих возрастных группах.

Мы предположили, что инвариантные семантические значения (семы), соотносимые с "образом мира", могли актуализироваться в достаточно абстрактных, но всегда имевших глубокий смысл для нашего народа словах: *свобода*, *счастье*, *успешность*. Как указывалось выше, именно эти понятия в период коренной перестройки жизни общества должны были отразить выдвигание на первый план новых ценностей; неизменные значения слов-стимулов позволяют судить об инвариантной трансляции некоторых основных смыслов и значений. Наша гипотеза заключалась в том, что при проведении ассоциативного эксперимента в обеих возрастных группах будут актуализированы инвариантные значения указанных слов-стимулов, которые будут занимать высокие рейтинговые места (встречаться в протоколах испытуемых обеих групп чаще других).

Наш эксперимент в определенной степени подтвердил это предположение. Рамки статьи не позволяют остановиться на подробном анализе интересных результатов, полученных в данном эксперименте. Так, анализ ассоциаций на слово-стимул "свобода" и "счастье" позволил выделить категорию, названную нами "духовной, экзистенциальной" ("эсхатологический уровень сознания, согласно Б.С. Братусю [2]). При предъявлении слова-стимула "счастье" актуализировались такие значения как: "быстротечность", "момент", "тишина" и другие. Для слова-стимула *свобода* это были такие слова-реакции, как "одиночество", "вечность", "гармония", "иллюзия" и др. Сюда же можно отнести и такие актуализированные семы, как "ответственность", "свобода духа". В выборке преподавателей эта категория получила первый ранг (то есть встречалась наиболее часто), а в выборке студентов – разделила второе место с категорией "анархические устремления". Последняя категория, как и категория, которую мы, вслед за Фромом, назвали "свободой от", занимает третий ранг и в выборке преподавателей. Эти данные можно интерпретировать как свидетельство присущему издавна ментальности украинцев восприятию свободы как "воли", "волеволюшки", независимости. Возможно, эта коннотация связана с глубинными структурами образа мира, веками формировавшегося в ситуации несвободы или свободы как бегства от притеснителей-властей, где и возможна только была воля. Образ вольного казачества, несомненно, должен был оставить отпечаток в ментальности нашего народа.

Высокая частота встречаемости среди ассоциаций духовной, экзистенциальной, философско-трансцендентной категории служит ещё одним подтверждением того, что эсхатологический уровень сознания является одной из культурно-специфических черт украинцев. Можно предположить также, что духовность украинцев представляет собой архетипическое, ядерное образование в ментальности нашего народа, т. е. входит (по Е.Ю. Артемьевой) в "образ мира" и транслируется от поколения к поколению.

Понятие "*успешность*" получило широкое распространение в последние годы и достаточно ярко отражает те сдвиги в социально-экономической ситуации в Украине, которые вызывают к жизни независимую позицию, активность, настойчивость в достижении целей. Однако статистический анализ наших результатов показал, что в обеих группах испытуемых наиболее часто встречаемые ассоциации на этот стимул укладываются в категорию "*удача*". С этой категорией понятие "*успешность*" связывает большинство

участников эксперимента в обеих возрастных выборках: 73,2% студентов и 34,3% преподавателей. К категории "*удача*" нами были отнесены такие слова реакции, как "*удача*", "*везение*", "*повезло*", "*всё удаётся*", "*фармт*", "*выигрыш*", "*казино*", "*рулетка*" и т. д. У большей части участников обеих экспериментальных групп актуализация значения "*удача*" выразилась в том, что это была первая ассоциация на слово-стимул "*успешность*". Этот факт свидетельствует о том, что понимание "*успешности*" как "*фармта*", "*везения*", "*удачи*" укоренено в сознании респондентов обеих групп, является одной из "культурных констант".

Напротив, категория "*активность в достижении целей*" в ранговом соотношении заняла третье место в выборке студентов и пятое в выборке преподавателей. С этой категорией "*успешность*" связывает 46,4% студентов и 23,8% преподавателей. Категория "*работа, труд*" в ранговом распределении у студентов заняла пятое место, у преподавателей – второе с половиной. Соответственно "*успешность*" с этой категорией связывает 29,5% студенческой выборки и 29,8% взрослой. Безусловно, показатели по категориям "*активность в достижении цели*" и "*работа, труд*" так же являются значимыми, однако тенденция в достижении успеха положиться на случай, "фармт" явно является ведущей.

Можно предположить, что указанное выше семантическое значение понятия "*успешность*" является инвариантным для нашей культуры, соотносимым с глубинными, ядерными структурами ментальности украинского народа. Подтверждением этого вывода могут служить и другие источники, в которых выявляются особенности "наивного сознания" представителей нашей страны. В частности, многие сказочные образы (Емеля, Иванушка-дурачок, ковер-самолет и др.) несут в себе идею о фарте и везении как необходимом условии достижения благополучия. Православие, в отличие от протестантизма, также культивировало представление о том, что не упорный труд и работа приведут к успеху, а милость Божия, посылающего удачу: "Посмотрите на птиц небесных, они не сеют и не пашут, а всегда сыты бывают...".

Взаимное влияние культуры и индивида постоянно поддерживается в определенной культурной среде. Базовые, ядерные ценности передаются из поколения в поколение, изменяясь незначительно. С уровнем ядерных ценностей (глубинного ядра "образа мира"), как уже указывалось, связан слой значений, восприимчивый к изменениям окружающей среды, но преломляющийся сквозь призму малоосознаваемых императивов, залегающих в глубинных пластах ментальности. Личностные смыслы и значения, разделяемые членами одной культуры, могут претерпевать трансформацию только под влиянием опыта. Ядерные ценности, питающие этот слой, укорененные в базовых культурных императивах (культурных константах), формируют "коллективную психологическую реальность" [12], которая репродуцируется через принятые в обществе социальные практики (начиная с практик воспитания) в следующих поколениях, вновь подкрепляя смыслы и значения, основанные на опыте.

Выводы. Таким образом, в определенной культурной общности из поколения в поколение транслируются глубинные, ядерные пласты "образа мира" – культурные константы или ядерные ценности.

В нашем исследовании двух разновозрастных выборок украинских респондентов выявлено, что духовное, эсхатологическое измерение остается инвариантным как глубинный пласт ментальности, прослеживаясь как в "картинах мира" молодежи, так и более старшего поколения, сформировавшегося в других

социально-политических условиях. В то же время понятие "свобода" в большой степени отождествляется с "волей", "свободой от" и анархическими устремлениями, что также может иметь корни в многовековом культурно-историческом опыте.

Остаются неизменными представления о том, что достижение благополучия не зависит от воли, активности и усилий человека и определяется "фартом", "везением". Свободный рынок, демократические пе-

ремены в обществе, таким образом, мало затрагивают базовый, ядерный уровень обобщенного "образа мира" наших соотечественников. Сдвиг этих резистентных структур возможен, вероятно, только в том случае, когда новая реальность будет постепенно влиять на изменение социальных практик и, таким, образом, станет коллективной психологической реальностью, внося коррективы в культурные сценарии.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Артемьева Е.Ю.* Психология субъективной семантики. – М., 1980
2. *Братусь Б.С.* Психологический тип личности в русской и современной культурах. // Психология и психоанализ характера. Хрестоматия по психологии и типологии характеров. – Самара: "БАХРАХ - М", 2000.
3. *Дюмон Л.* Эссе об индивидуализме. – Дубна: "Феникс", 1997
4. *Леонтьев А.Н.* Избранные психологические произведения: В 2-х т. Т. II. – М.: Педагогика, 1983.
5. *Лурье С.В.* Психологическая антропология. – Москва – Екатеринбург, 2003.
6. *Петренко В.Ф.* Основы психосемантики. – Издательство Московского университета, 1997
7. *Смирнов С.Д.* Мир образов и образ мира // Вестн. МГУ. Сер. 14. Психология. – 1981. №2. С.15-29.
8. *Хантингтон С.* Столкновение цивилизаций. – М.: АСТ, 2003

Подано до редакції 24.10.05

У статті розглядається проблема психологічних механізмів культурної трансмісії з позицій психологічної антропології та психосемантики. Висвітлюються результати асоціативного експерименту з визначення інваріантних значень, які складають

9. *Geertz C.* Interpretation of Culture. N.Y.: Basic Books, 1973.
10. *Hofstede, G.* (1980). *Culture's consequences.* Beverly Hills, CA: Sage.
11. *Kashima Y.* (2000) Conceptions of Culture and Person for Psychology. // Journal of Cross-Cultural Psychology, Vol.31, No. 1, January 2000, P. 14-32.
12. *Marcus H.R., Kitayama S.* (1994) A collective fear of collective: implications for Selves and theories of Selves. // Personality and Social Psychology Bulletin, vol. 20, No.5.C.568-579
13. *Jahoda G., Krewer B.* (1996) History of cross-cultural psychologie. Handbook of Cross-Cultural Psychology. V.1. – Boston: Allyn & Bacon.
14. *Schwartz Th.* Where is the culture? In: The Making of Psychological Anthropology. – Berkley: University of California Press. 1978.
15. *Shweder R.A.* Thinking Through Cultures. – Cambridge- London: Harvard University Press, 1991

РЕЗЮМЕ

глибинні пласти ментальності. Виявилось, що, як у групі студентів, так і у групі викладачів (середній вік 45 років) переважають категорії "есхатологічного" рівня свідомості та асоціація "успішності" з "удачею", "фартом".

SUMMARY

The article deals with the problem of psychological mechanisms of cultural transmission from psychological anthropological and psychosemantic aspects. The author demonstrates the results of associative experiment aimed at determining invariant meanings which constitute deep

parts of mentality. The data showed that in both students' and adults' (average age 45 years old) groups the categories "eschatological" level of consciousness and associating "successfulness" with "good fortune" and "luck" predominate.